

Некрополь Караоткель: сакрально – религиозная функция кладбища

Татьяна В. Кошман¹, Марал К. Хабдулина², Азамат Т. Дукомбайев^{3*}

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

*Corresponding author: dukombaiev_1992@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-2005-9849>;

²<https://orcid.org/0000-0002-7195-5723>;

³<https://orcid.org/0000-0002-4242-3648>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-76-95

Аннотация. Старинные кладбища представляют интерес в изучении духовной и материальной культуры народа. Могильные плиты, как специфический вид исторического и этнографического источника, содержат довольно большую информацию. Достоверность и обширность ее зависят от «возраста» кладбища. По надгробной эпиграфике видно, что сохранение и устойчивость мусульманской погребальной традиции в условиях глобализации и развития межэтнических отношений подвергаются изменениям и трансформации. В статье изложены некоторые результаты изучения мусульманского зирата «Караоткель», расположенного в г. Нур-Султан. Это один из самых старых и известных некрополей в центре города. Кладбище функционировало по некоторым сведениям с XVII века. Официально закрыто в 1962 году. Данный памятник вошел в число сакральных объектов Казахстана общенационального значения, связанных с историческими личностями и знаковыми событиями национальной истории. Есть версия, что здесь захоронены воины отряда Кенесары, погибшие при штурме Акмолинской крепости в XIX в.

Задачей данного исследования является изучение имеющихся материалов по мусульманскому некрополю Караоткель и проведение полевых исследований на территории кладбища. Авторы использовали материалы полевых работ, проведенных в течении 2019 и 2020 годов. В результате были проанализированы картографические и архивные источники о кладбище, получены первичные сведения по классификации надгробных памятников.

Ключевые слова: Караоткель; некрополь; кулпытас; стела; кладбище; сакральный объект; история; зират; надгробные плиты; эпитафия; религия.

For citation:

Koshman T.V., Khabdulina M.K., Dukombaiev A.T. Necropolis Karaotkel: sacred - religious function of the cemetery // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 139. – №. 2. – С. 76-95. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-76-95

Для цитирования:

Кошман Т.В., Хабдулина М.К., Дукомбайев А.Т. Некрополь Караоткель: сакрально – религиозная функция кладбища // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 139. – №. 2. – С. 76-95. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-76-95

Введение

В последнее время все чаще в исторической науке поднимается вопрос о казахском памятниковедении как научно-практическом направлении. По мнению известного ученого С.Е. Ажигали некрополи, старинные кладбища имеют репрезентативное направление для получения новых знаний по истории и культуре, воссозданию историко-культурной среды, а так же в формировании патриотизма и исторического сознания. Задача ученых, по мнению автора, проведение системного и комплексного изучения памятников, часть из которых находится на стадии разрушения и уничтожения (Ажигали, 2011: 337). Памятники мемориально-культурной архитектуры широко представленная группа памятников, но в то же время слабо изученная в связи с отсутствием научно-методической основы по их изучению, не смотря на то, что их изучение происходит на стыке ряда научных направлений. Это в первую очередь тюркская эпиграфика, прочтение нанесенных арабографичных надписей на стелах-кулпытасах. Это исторический анализ и атрибуция памятника, камнерезное искусство и зодчество, этнологический подход к составляющей основе историко-культурного памятника. Мемориально-культурные памятники сегодня следует рассматривать как составную часть этнографической культуры населения, его обычаев и сохранение обрядовых практик на протяжении длительного времени. Все это дает исследователю огромный пласт новых знаний, взаимосвязи прошлого с настоящим, культурную преемственность и социальную память.

В связи с отсутствием документальных источников, мемориально-культурная архитектура порой является единственным достоверным историческим источником материальной и духовной культуры народа, проживающего на данной территории и

представляющих историко-культурную специфику Казахстана. Культура кладбища это не только история людей, чей жизненный путь закончился здесь, но и культура ритуально-архитектурного погребального обряда. Кладбища имеют эмоциональную окраску, память места и даже с годами «живет» особой жизнью. Территория некрополя осознается как особое пространство памяти, смерти и запустения. И порой, не смотря на разрушенные памятники, заросшие травой могилы и запустение, сакрализация места продолжает привлекать внимание, чем создает особое отношение к историческому прошлому которое надо передать поколениям. Памятники старых кладбищ бесценный исторический источник и хранилище этнографической памяти через восприятие религиозного сознания и сложившейся системы символов.

В казахской традиции в определении кладбища используются следующие термины «зират», «қорым», «бейіт», либо «там» означающее намогильное сооружение. В некоторых случаях используется термин «некрополь» как место массового захоронения с каменными надгробиями, имеющим длительную историю захоронения на данной территории, изменением традиций погребения и установления могильных памятников.

В 2017 году в число общенациональных сакральных объектов и комплексов Казахстана, которые подлежат сохранению и популяризации в рамках программы «Рухани жангыру» вошел исторический памятник столичного региона мусульманский некрополь «Қараоткель» (Қараөткел мұсылман зираты) (Сакральные объекты, 2017: 381). На центральном входе зирата присутствует надпись «Мемориальный комплекс «Кокбел»».

Сакральный объект представляет собой обширный мемориальный комплекс общей площадью 17 125 кв. м. Он

располагается на правом берегу р. Есиль, на территории района «Байконур» г. Нур-Султан. Территория кладбища ограничена по периметру улицами Асан Кайгы, Жанибек Тархана, Александра Кравцова и микрорайоном Целинный. Зират относится к числу самых известных мест погребения в городе. Общие размеры прямоугольного в плане кладбища 125 на 137 м, сакральная площадка вытянута с востока на запад. Погребения обозначены небольшими холмиками и надгробными стелами – кулпытасами. Границы охранной зоны и зоны регулирования застройки утверждены решением городского маслихата города Астаны от 26 ноября 2010 года № 404/53-IV «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки памятников истории и культуры города Астаны»¹.

Как свидетельствует мемориальная доска, установленная при входе на некрополь, мусульманское кладбище «Караоткель» существовало с 1609 по 1962 годы. Начальная дата основывается по могильному камню, сохранившему дату 1609 год. Официально городскими властями кладбище было закрыто в 1962 году. В этот год город начинает активно расти, выделяются территории под застройку жилых микрорайонов, вводятся в эксплуатацию новые производственные объекты. В связи с чем, расширение территории жилых массивов и функционирования мусульманского кладбища не входило в план застройки центра Целинного края. Городскими властями предписывалось производить захоронения за городом на городском кладбище.

Статус основного действующего мусульманского некрополя позволил ему избежать участи некоторых исчезнувших с территории современного города кладбищ (еврейского, православного). В постсоветский период его мемориальная и

сакральная значимость лишь усилились. Это своего рода национальный мусульманский пантеон, требующий внимательного изучения. Придание некрополю статуса охраняемого историко-культурного объекта связано с плотностью планировочной насыщенности захоронениями, разнообразием форм кулпытасов, многообразием стилей, структур надгробных эпитафий и трудностями прочтения поминальных текстов, написанных арабской графикой, чагатайским языком, кириллицей. Даты жизни и смерти усопших указаны по хиджре, григорианскому календарю и христианскому летоисчислению. В структуре эпитафий кроме имени часто присутствуют родовая принадлежность и род занятий, титул (мулла, батыр, лекарь, купец). Надгробия имеют разнообразные формы, украшены геометрическими, растительными, космогоническими (солнце, луна, звезды) орнаментами. Есть отличия в художественном оформлении женских, мужских и детских кулпытасов.

Материалы и методы

Основной задачей данной статьи является обзор имеющихся сведений о кладбище. Использованы два подхода: кабинетный и полевой. В кабинетной деятельности осуществлена систематизация разнообразных материалов: научные и популярные публикации, архивные сведения, картографические источники. В полевой работе: натурные обследования, замеры, описание, составление схемы кладбища с выделением определенных хронологических и этнокультурных зон, подсчет надгробий, фото и видео фиксация, интервью. Эти задачи выполнены методом осмотра, архитектурного моделирования, сравнительного историко-этнологического анализа, картографическим и

¹ Примечание: Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки памятников истории и культуры города Астаны// Информационно–правовая

система нормативных правовых актов Республики Казахстан URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10A0000658> (дата обращения: 24.07.2020).

географическим методами с использованием космоснимков, Google – карт, старинных топографических карт.

Распространенным видом мемориально-культового сооружения долгое время были кулпытасы, выполнявшие ритуально-культовую роль. Это надмогильные стелы, чаще всего прямоугольной формы, вкопанной в землю с западной стороны у изголовья захоронения. Довольно сложно найти одинаковые по форме и содержанию объемно-декоративного решения, стилю и содержанию арабографических надписей и т.п. Исследователь памятников Ажигали С.Е. придерживается версии, что кулпытасы олицетворяют идею ритуальной коновязи, связанную с культом коня у казахов (Ажигали, 2014).

Можно провести аналогию установки кулпытасов в погребальной обрядности казахов с якутскими надмогильными стелами – сэргэ. Якуты в период ранних кочевников в мифологическом восприятии прослеживали связь живого человека его мира с миром небесных божеств. В исследованиях якутских авторов надмогильные коновязи в тюркской традиции у народа саха представляли собой идею перерождения, возрождение нового человека (Романова, 2011: 272). Казахский исследователь Тохтабаева Ш.Ж. считает, что кулпытасы или сынтасы пришли в казахскую степь на место каменных изваяний, балбалов, в период проникновения ислама, запрещающего человеческие изображения на камне (Медеуова, 2018: 104). Вопрос о происхождении и значении в погребальной обрядности остается по-прежнему дискуссионным и не является предметом рассмотрения в данной статье.

Обсуждение

Историко-культурное наследие это в первую очередь фактор стабильности и сохранения культурной самобытности,

которая передается из поколения в поколение в виде совокупности целого ряда предметов и объектов, в которых заложен глубокий философский и национальный код народа.

В последние годы идет процесс разработки методологических подходов к историко-культурному содержанию понятий сакральность, сакральный ландшафт, сакральная география. Сакральность ландшафта формируется на протяжении ряда поколений и определяется целой системой священных мест, религиозных традиций и культовых памятников. Сакральность это в первую очередь интеллектуальная и духовная деятельность человека по формированию и организации сакрального ландшафта, духовного наследия и общественного сознания.

Мазары, мавзолеи, кулпытасы, койтасы, сандыктасы, пограничные башни, по мнению исследователей сакральной географии Медеуовой К.А. и Сандыбаевой У.М., это все материальные знаки социальной, духовной эволюции степи (Медеуова, 2018: 443). И в то же время они являются атрибутами родовых территорий через тамгообразные изображения на кулпытасах. О культурных практиках памяти и мемориальных комплексах как своеобразных мест памяти особое внимание уделено в коллективной монографии «Практики и места памяти в Казахстане», где значительное место уделено массовых стратегий памяти, культурной географии и потенциале места (Практики, 2017: 22).

Сакральные объекты нередко выступают «в качестве символа национального единства и возрождения» и, по мнению авторов, Мусабаева Т.Т. и Иманжановой К.К., составляют каркас национальной идентичности. «Мы должны помнить и чтить эти святые места, считают авторы. - Это платформа, соединяющая горизонты прошлого, настоящего и будущего народа» (Мусабаев, 2019: 22).

Тема сакральности кладбища Караоткель продолжена в статье Карабаевой Г.К., в которой проанализированы данные о возникновении и функционировании кладбища, поминальных практиках. Как свидетельствует автор, за период наблюдений посещения кладбища, зират посетило более двадцати паломников, для которых данный религиозный объект является не только местом захоронения родных, но и священным объектом, местом исцеления и защиты. Приведенный пример поиска места захоронения бабушки Зекеновой А. в 2011 году, свидетельствует о сохранении коллективной родовой памяти. Несмотря на то, что прошло достаточно много времени и имелись отрывочные сведения о месте захоронения Ибиджан Бапакулы в 1914 г., надписи на кулпытасе помогли определить место погребения (Karbayeva, 2021: 141-154). Это свидетельствует о том, что сакральность объекта не имеет срока давности. Автор считает, что перед профессиональными историками стоит задача сохранения кладбища как «капсулы времени», как особый памятник эпохи, идей и мировосприятия.

Таким образом, можно предварительно говорить о том, что религиозный объект продолжает жить и привлекать внимание не только паломников, родных, но и научную общественность, которая видит в необходимости сохранения историко-культурных объектов, как часть культурного кода сакральной географии страны.

Первые натурные обследования авторами данной статьи были начаты в рамках научного проекта и полученные результаты представлены в коллективной монографии «Сакральный ландшафт Сарыарки» (Сакральный, 2020). Авторами монографии был сделан вывод о том, что особый сакральный локус Сарыарки сформирован деятельностью предшествующих поколений. Изучение факторов и условий появления сакральных

центров, формирует определенный культурный ландшафт. Зират Караоткель несет в себе историко-культурную, научную и мемориальную ценность, считают авторы. Культурный объект требует продолжения научного изучения. Новые идеи и подходы нашли отражение в представленной статье.

Зират Караоткель в исторической топографии города.

Предположительно в XIX в. кладбище уже являлось основным мусульманским некрополем, расположенным на правом берегу реки Есиль. Как заметили исследователи киргизской степи еще в XIX веке «для могил киргизы выбирают видные и людные места у больших дорог и непременно на холме, сопке или горе. Этим выражается почет умершим. Сверх могилы воздвигаются памятники самых разнообразных форм» (Россия, 2012: 218).

Непосредственно сведений о размерах и местоположению кладбища в Акмолинске не так много, исследователи не уделяли внимания его описанию и изучению. Стоит отметить, что территория будущего Акмолинска, находящегося на караванной дороге, связывающей Россию со Средней Азией, активно использовалась как место временной остановки для отдыха, торговли пополнения запасов торговых караванов. И, конечно, возникает вопрос о возможности выполнения религиозных потребностей для приезжающих сюда среднеазиатских купцов – мусульман.

В Государственном архиве города Нур-Султан сохранились сведения краеведа А.Ф. Дубицкого, которые позволяют получить некоторые сведения по истории развития города. Исходя из имеющихся архивных материалов, можно предположить, что с мусульманским кладбищем связана деятельность мечети, которая располагались на восточной окраине, на землях акмолинского старшего султана К. Кудаймендина, Бурабая Сеитова, братьев Ногаевых. Поскольку родовые земли К. Кудаймендина находились в отдалении от крепости и разрастающейся слободы, то при

деревянной мечети стало формироваться мусульманское кладбище (Дубицкий, 6 л.).

По данным статистики в 1836 году в Акмолинском внешнем округе насчитывалось пятнадцать кочевых казахских волостей, одно селение на Караоткеле, девять деревянных обывательских домов, лазарет, ветряная мельница, кузня, пятнадцать семей с детьми. Мечеть была построена на отшибе, в степи. Когда приходил очередной караван, в ней проводился молебен (Дубицкий, 48 л.).

Есть и другие данные о времени строительства мечети, согласно которым деревянная двухъярусная мечеть была построена в 1842 году на средства старшего султана округа К. Кудаймендина за стенами укрепления с восточной стороны. На следующий год рядом был выстроен жилой дом для муллы, в котором проходило обучение грамоте мусульманских детей. В разные годы в этой мусульманской школе обучалось более трех десятков учеников (Касымбаев, 1998: 54).

Российские исследователи в своих записках так же упоминали о наличии мечети. Шерстобитов А. в 1899 году писал, что Акмолинск приобрел вид настоящего города, в котором есть большой каменный собор, каменные торговые ряды и мечеть. «... постоянная скученность киргиз в городе и придает ему оригинальную окраску степного азиатского городка. ... город иначе нельзя назвать, как киргизским. » - пишет автор (Шерстобитов, 1899: 32).

В 1920 году деревянная мечеть сгорела во время пожара. Ровно на том же месте на средства добровольных пожертвований из красного кирпича была выстроена новая мечеть. И улица получила название Мечетная, это современная улица Иманова, находящаяся в непосредственной близости с зиратом Караоткель. Расположение и постройка мечети свидетельствует о сакральности данного места.

С развитием антирелигиозных компаний в 1929 году городские власти подняли вопрос о закрытии одной мечети и

одной церкви в городе, мотивируя это тем, что «... ликвидация здания мечети принесет значительную помощь в деле культурного строительства города и не отразится на интересах небольшой части верующих сохранившееся в городе. Так по городу насчитывается верующих магометанского вероисповедания 623 человека» (Дубицкий, 297 л.). Архивные материалы свидетельствуют о том, что вопрос о закрытии религиозных учреждений имел длительный процесс переписки в течение всего 1929 года и получения поддержки со стороны секретариата ВЦИК, что свидетельствует о том, что решение принималось с осторожностью, учитывая религиозный настрой населения. ВЦИК разрешил изъятие здания мечети для культурно-просветительных целей в соответствии с Законом от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». На местах прошли собрания, разъяснительная работа и в 1930 году мечеть была закрыта, здание передано под историко-краеведческий музей. Какое-то время внешний вид здания изменений не претерпел, остались не тронутыми минарет и купольный свод. В 1940 году музей переехал в здание бывшей Константино-Еленинской церкви, а в мечети разместился завод Казпиво. О существовании этой мечети сегодня уже мало что напоминает, но можно утверждать, что мечеть и некрополь географически находились недалеко друг от друга. Иначе, зачем было на месте сгоревшей мечети возводить кирпичную, да еще в период революционных преобразований.

Небольшой экскурс в историю позволил нам определить место расположения зирата относительно исторической застройки города. Путем наложения «Схемы генерального плана Акмолинска 1881 года» на современную карту получаем изображение, которое показывает, что данное кладбище было определено на указанной схеме и располагалось на территории станицы, в 1,66 км к востоку от крепости (Рис.1).

Рисунок 1. Мусульманское кладбище на «Схеме генерального плана Акмолинска 1881 г.».

Функционирование кладбища в начале XX в. зафиксировано в работе С.С. Ганешина 1914 г. «Ботанико-географический очерк средней части Акмолинской области». В ней он привел некоторые данные о кладбище. Экспедиция, в ходе сбора различного вида растений, побывала на кладбище и « ... 22 мая нами был обследован находящийся на окраине города степной участок татарского (киргизского) кладбища» (Ганешин, 1917: 10).

В Государственном архиве Акмолинской области нами обнаружена карта города Акмолинска по состоянию на 1 января 1949 года (Рис.2).

Рисунок 2. Фрагмент «Карта г. Акмолинска по состоянию на 1 января 1949 года».

Изучение карты, позволяет говорить о том, что до середины XX века, кладбище находилось на возвышенной части восточной окраины города, и не имело вблизи жилых построек. По этой карте некрополь «Караоткель» имеет четкие территориальные границы. Уже в 1983 г., судя по «Туристской схеме города Целинограда», город расширил свои границы, и кладбище оказалось внутри города (Рис. 3).

Рисунок 3. Фрагмент «Туристская схема г. Целиноград» (1983).

Как известно, кладбища располагаются на периферии городских территорий в соответствии с санитарно-

гигиеническими требованиями, религиозными предписаниями, а также борьбой с возникающими эпидемиями. Первоначально территория кладбища имела ограничительный вал и ров, которые и сегодня фиксируются на современной поверхности. В 40-е годы XX века территория была расширена, позже огорожена железным забором.

Закрытие кладбища для захоронений привело к запустению территории, заборное бетонное ограждение местами разрушилось. С увеличением городской застройки кладбище оказалось внутри разрастающихся жилых микрорайонов. Городские власти в конце 90-х годов подняли вопрос о переносе закрытого мусульманского кладбища на территорию городского кладбища. Согласно «Инструкции о порядке захоронений и содержании кладбищ в населенных пунктах Казахской ССР» № 11 от 7 января 1972 года использование кладбища для строительства может быть осуществлено по истечении минерализации в 20 лет с момента последнего захоронения. Проблема сохранения некрополя получила широкий общественный резонанс. Общественность города и неравнодушные жители не позволили разрушить кладбище, имеющее длительную историю и большое количество захоронений.

В 2012 году частично разрушившийся забор был демонтирован меценатом М. Гучериевым, этническим ингушом, и заменен новым из современных строительных материалов. Это было сделано в память о своих родных, депортированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны и захороненных на этом кладбище. Построен дом для смотрителя, установлена памятная доска, проложены частично дорожки из брусчатки. Новое ограждение придало зирату полноценный вид исторического памятника.

Краткая история натурального исследования некрополя Караоткель. Впервые объект был исследован в 2012 году ТОО «Археологическая экспертиза». Комплекс научно-исследовательских работ включал в себя картографирование, фотографирование, изучение эпитафий, проведение этно-социологического опроса. В ходе проведенных исследований выяснилось, что надгробные плиты ранее середины XIX века на кладбище не сохранились. О наличии более ранних погребений косвенно может свидетельствовать большое количество надмогильных всхолмлений без надгробных памятников на территории некрополя. Это можно объяснить тем, что на протяжении длительного периода существовала традиция скромности и сдержанности ритуала захоронения, не требовалось ставить на мусульманское захоронение надгробие.

В 2013 году известный казахстанский археолог К.М. Байпаков высказал предположение, что кладбище многослойное и формировалось на протяжении многих столетий. По его мнению, кладбище намного древнее, чем считалось ранее, и до возникновения традиций возведения надгробных стел, казахи производили захоронения, которые не сопровождалась установкой кулпытасов².

Сотрудники Института современных исследований ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, при изучении эпитафий могильных плит, сделали предположение, что именно здесь захоронены погибшие на поле битвы двести сарбазов из отряда батыра Басыгары. Обнаруженная ими надгробная плита, имеет надпись, выполненную арабской вязью, которую прочитать полностью невозможно, так как с годами часть надгробной плиты ушла в землю. Климатическая эрозия не позволяет полностью прочесть надпись. Стела

² Примечание: Мусульманское кладбище в центре Астаны скрывает порядка 10 000 захоронений. - URL: <http://today.kz/> (дата обращения: 24.07.2021).

изготовлена из дикого песчаника серого цвета, необработанная, полное прочтение текста затруднено из-за сильного повреждения. По мнению М. Сыдыкназарова, сделанный им вольный перевод гласит, что плита установлена в 1838 году, в месяц раджаб, в дни священного трехдневного поста. Сделал это некий Сармырза на средства Кайыролла Саржан улы. Далее сообщается, что в могиле покоятся 50 есаулов и 200 знатных военачальников (сардаров), которые еще совсем молодыми ушли по воле Всевышнего в мир иной, приняв смерть на войне против врагов³.

По мнению известного казахстанского историка Артыкбаева Ж.О., решение об увековечивании сарбазов Кенесары было принято в 1922 году. Казахи-караоткельцы провели большой сход, посвященный 75-летию гибели Кенесары и Наурызбая и установили памятную плиту на некрополе Караоткель (Артыкбаев, 2020: 9).

Работы по прочтению эпитафии продолжаются. Ряд фотографий могильных плит опубликованы в книге М.С. Абсеметова «Астана - город с тысячелетней историей» (Абсеметов, 2009: 312). В газетных публикациях указано, что на данном кладбище похоронены жертвы массового голода 20-30-х годов, а также

представители разных национальностей⁴.

Стоит отметить, что в дореволюционных работах авторы не обратили внимания на казахские кладбища. Кастанье И.А. в своих записках писал, что в Тургайской области рассыпано великое множество «... каменных баб, т.е. грубое подобие человеческой фигуры, вытесанной из целого куска песчаника, гранита или другого камня» (Кастанье, 1910: 63). В

дневниковых записях экспедиции Шангин так же обращает внимание на киргизские кладбища «со стоящими выбеленными известью надгробными памятниками» (Шангин, 2006: 94).

Обзор современных знаний о некрополе «Караоткель». Изучение надгробных памятников должно носить комплексный характер. Задачи, которые сегодня стоят перед исследователями данного объекта - это установить хронологическую топографию захоронений: выявить участки ранних погребений; по датам надгробных стел определить годы максимального использования территории зирата.

В результате проведенных исследований микрорельефа территории было зафиксировано более 10 000 захоронений. 2 169 из них имеют надгробные памятники. Сложным является вопрос о точном количестве захоронений, приблизительное число можно сделать по сохранившимся надмогильным стелам, в старой же части кладбища, как было отмечено выше, определение количества затруднено. Сложным остается вопрос наличие кулпытасов более раннего времени захоронения.

Стелы устанавливались в соответствии с религиозными канонами в изголовье покойного, с ориентацией лицевой стороны стелы, где выбиты надписи, на Восток

Основным материалом для изготовления послужил известняк, известняк-песчаник, ракушечник, частично бетон и дерево. Выбор материала зависел от наличия мастера, который мог обработать и стилистически оформить эпитафию. Особенности климата степного региона привело к деструкции, коррозии металлических поверхностей, разрушению деревянных конструкций.

³ Примечание: В Астане обнаружено захоронение батыров Кенесары.-URL: <https://azan.kz/kz/ahbar/read/foto-v-astane-obnaruzhenozahoronenie-batyirov-kenesaryi-4713>(дата обращения: 30.07.2021).

⁴ Примечание: Каженова Г. Сын земли нашей// Интернет–версия общественно -политической газеты

«Акмолинская правда».- URL:http://akmolinka.apgazeta.kz/n023_12_02/culture.htm (дата обращения: 30.07.2021).

Если металлическое ограждение сохранилось, то состояние и прочтение текста на стелах затруднено. Сохранность надгробных плит различная. Наибольшему разрушению подвергнуты плиты из бетона. Значительная часть памятников погибла, что затрудняет изучение содержания могильных стел.

Искусство оформления надмогильных памятников развивается в лоне развития общего развития прикладного искусства, архитектурных направлений и мастерства камнерезов. Могильные памятники следует воспринимать функциональный тип искусства, содержащий в себе не только эстетическую составляющую, а так же глубокий содержательный смысл обусловленный традицией.

Стелы в мусульманской традиции украшены достаточно сдержано и даже сложно точно определить, когда появилась традиция установки стел в том или ином районе, отношение к зарождающейся культуре установления памятника и содержание эпитафий. Стоит отметить, что эпитафия это изречение, используемое в качестве надмогильной надписи.

Самый многочисленный тип памятников это плоскостные камнерезные стелы-кулпытасы, представляющие собой плиты высотой от сорока до полутора метров. Они отличаются разнообразием форм: стелы с округло выделенным навершием, надгробные стелы с полукруглым навершием, стрельчатая форма навершия. Есть и антропоморфные стелы, по своей форме повторяющие изображение человека, точнее четко прослеживается голова и плечи, ниже прямоугольное основание. Четко выделяется шарообразная голова, короткая шея, покатые плечи и туловище. Чаще всего стелы имеют форму прямоугольника, верхушка которого имеет аналогию с минаретом или куполом мечети. Присутствие антропоморфных стел, возможно, сохранилось с доисламской традиции устанавливать при захоронении

«каменные бабы». Они и сегодня встречаются на территории степных просторов, о них много написано. Сущность в том, что по форме они довольно хорошо представляют тело человек с символическим обозначением головы, рук груди и отдельных предметов. С приходом исламских традиций изображение человека исчезает, остается каменная стела. Но как показывают исследования, наличие круглого навершия может свидетельствовать о сохранившейся практике придания изваянию формы головы.

Присутствует, как правило, в левом углу плиты полумесяц, наклоненный, убывающий как символ веры усопшего. В религиозных представлениях астральный знак убывающей луны рассматривался в лоне уходящей жизни. Полумесяц, как правило, выполнен в технике резьбы по камню или гравировки, которая в соответствии с исламскими канонами не должна быть чересчур изысканной. Довольно много на стеллах 50-х годов и восстановленных в современное время встречаются изображение части мечети или минарета. Основная часть надмогильных плит орнаментально не выделяется. Чаще всего присутствуют отшлифованные лицевые части с нанесенными данными об усопшем. Тыльная сторона и боковые части обработаны слабо.

Центральное место на плоскости плиты занимает текстовая часть. Стоит отметить, что мастер должен был учитывать размер текста и площадь покрытия плиты, но и создать художественное впечатление. Все это придает памятнику неповторимость и индивидуальность. Нередко можно видеть эпиграфику либо тамгу, как знак родовой принадлежности, выполненные техникой плоскорельефной резьбы. По родоплеменной принадлежности они очень разнообразны. Практически все сохранившиеся плиты имеют арабскографичную эпитафию, выполненную арабской вязью. Эпитафии на надгробиях написаны на арабском, чагатайском,

татарском языке. Надписи по содержанию лаконичные, ограничиваются аятом из Корана, общей информацией об умершем человеке и датой его смерти. Многие из этих надгробных эпитафических памятников частично разрушены временем, что затрудняет их прочтение. Эпитафические памятники являются образцом поэтического и каллиграфического искусства, имеющие глубокий гуманный смысл. Печаль потери близких передана через философский и поэтический замысел воплощенный в аяте. Текст эпитафии в своем содержании нередко однотипный, формальный, неповторимость придавал шрифт и устойчивый лаконичный орнамент. Эпитафика имеет большое историко-культурное значение, позволяющее говорить о родоплеменных группах данной территории, языковой лексики и особенностях местных жителей. Можно дополнить еще и тем, что в изучении эпитафий важен еще и нравственно-патриотический аспект.

Некоторые эпитафии содержат дату смерти, реже дату рождения. Нельзя сказать, что содержание эпитафий стандартно для стел данного некрополя. Одной из особенностей является изображение на поверхности памятника рисунков. На отдельных могильных плитах, установленных над женскими погребениями, изображены цветы с числом бутонов в соответствии с количеством рожденных детей. Кулпытасы на могилах мужчин имеют изображение звезды и полумесяца.

Нельзя однозначно сказать, с чем связано преобладание мужских памятников над женскими в первой половине XX века, там, где можно визуальное получить информацию. Можно предположить, что стелы ставили главе семьи, а членам семьи устанавливали деревянные стелы, которые естественно не сохранились.

Отдельные знаки или предметы, встречающиеся на памятнике, по-видимому, имеют связь с деятельностью покойного.

Примером может служить стела, на которой в нижней части изображен чайник (шэйнек), возможно шило (біз) и, по-видимому, четки или бусы (моншак). Надмогильный памятник из бетона с плоскорельефной надписью. Судя по имени и дате, это захоронение женское: «Род таракты. Ниязбеккызы (дочь Ниязбека) Злиха. 1871 года рождения. Скончалась в 1957 г.». Ниже под рисунком процарапаны буквы «Т.Т.Ш.», можно предположить, что они связанные с родом таракты, может вместо тамги (Рис.4).

Рисунок 4. Фрагмент кулпытаса с рисунками. Фото автора

По технике исполнения памятники достаточно однообразны, но имеют свои особенности в технике изготовления, размерах, нанесении текстов и обустройства, от примитивной грубой работы местных мастеров до мраморных надгробий, изготовленных и установленных в последние годы. Среди восстановленных надгробий встречаются могильные памятники с фотографиями.

Изменение политики и идеологии внесло свои коррективы в погребальные конструкции. Есть часть памятников, выполненных в советское время из железа в форме усеченной пирамиды с навершием в форме звезды. В середине XX в. вошло в традицию ставить могильные ограды. Считалось, что это логически завершает мемориал, защищает его от бродячих животных и обозначает территориально участок захоронения. Можно сказать, что

сакрального смысла в ограждении нет, чисто практический и декоративный. Столбы по углам железных ограждений увенчаны навершиями в виде полумесяца, шаров, звезд и копий. Во второй половине XX века кладбище трансформировались стилистически, ограды металлические выкрашивали синей и зеленой краской, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки краски на решетке. Чем можно сегодня объяснить выбор цвет является проблематичным. Причем такого же цвета ограждения и на христианских кладбищах было длительное время. Стремление изменить обряд, не согласующийся с традицией, могло быть обусловлено идеологией кампании по внедрению новой обрядности. По мнению Соколовой А., изменение обрядности происходило под воздействием государственной агитации и идеологической работы. Автор считает, что городская среда более восприимчива к нововведениям, так как городской житель естественным образом оторван от родовой общины и традиций и государство берет на себя новую гражданскую обрядности (Соколова, 2011: 191). Так на кладбище Караоткель появляются могильные ограды, выкрашенные чаще синей краской.

Анализ надгробных плит и старинные карты позволяют сделать вывод, что наиболее ранняя часть захоронений находится в южной части современной территории. Большей частью эта территория неухоженная и «заброшенная». Местами просевшая земля указывает на наличие в данном месте захоронения. Причем именно эта часть значительна по территории, что позволяет говорить о том, что дореволюционный период функционирования погоста был довольно значительным. Несомненно, она служила сакральным местом еще до появления каменных стел. Здесь же обнаружен могильный камень сарбазам Кенесары (Рис. 4). Местами сохранились деревянные столбы, вкопанные в землю. В советское время отношение к религиозным

традициям было неоднозначным. В публикациях сохраняется много сообщений об использовании каменных плит при строительстве зданий, дорог и т.д. Таких данных по кладбищу Караоткель не встречается, что не противоречит тому, что возможно часть камня было вынесено с некрополя в период развития города.

В юго-западной части были зафиксированы погребения принадлежавшие ингушам, датированные 40-50 гг. XX века (период депортации и функционирования кладбища). Они совершенно идентичны по шрифту, тексту, технике обработки камня, что дает предположение говорить о том, что выполнены они у одного мастера и примерно в одно время. Белые мраморные стелы, у ингушей называется «чурт», установлены на семейном захоронении семьи Гучериевых. Саад Гучериев, приходится дедушкой мецената Гучериева М., установившему новое ограждение некрополя. За металлической оградой установлены три плиты с именами Гучериева Саада Ютиевича (1882 -1949), Гучериев Чингисхан Сафарбекович (14.03.1948 – 05.08.1948), Гучериев Сулумбек Сафарбекович (1950-1952). На лицевой стороне прямоугольной плиты выбит полумесяц, строка арабской вязью, фамилия, имя и отчество, даты жизни. В традиции ингушей на памятнике не указывается родовая (тайповая) принадлежность ингушей.

Южная часть расположена за рвом, который хорошо просматривается на местности. Данная часть заполнена не полностью, по имеющимся датам на могильных плитах, можно предположить, что использовалась она с конца 50-х годов и до официального закрытия кладбища. На основе Google – карты нами выполнен схематический план с указанием районов освоения кладбища (Рис.5).

Рисунок 5. Планировка кладбища. 1- наиболее ранние захоронения; плита

сарбазам Кенесары. 2- захоронения ингушей; 3 – поздняя часть, памятная плита С. Садвокасову; 4 – захоронения второй половины 50- начала 60 гг.

В Ақмолинске в конце XIX- начале XX проживало большое количество татар, занимавших значительное место среди ақмолинского купечества. Некрополь стал местом упокоения представителей известных татарских семей города. К примеру, здесь похоронены представители купеческого сословия, оставившие глубокий след в истории развития Ақмолинска. Семья Халфиных, татарских купцов, активно вела торговлю в городе, имела торговые дома, внесли средства на постройку мечети и обучение в мусульманской школе казахских детей.

Потомки семьи Халфиных в 2018 году установили большой гранитный кулпытас на могиле, где покоятся Уали Халфин с супругой Таурбала, сын Галиакпар с супругой Мастурой Абылайкызы и другие родственники. Следует заметить, что надписи выполнены в современном стиле и дают информацию не только характерную для усопших. Надпись позволяет получить сведения о том, что Уали Халфин и его сын Галиакпар являлись купцами первой гильдии, жена Галиакпара Мастура это племянница Ш. Уалиханова (Рис.6). Это свидетельствует о том, что потомки Халфиных с гордостью и уважением хранят память о своих предках и хотят рассказать о вкладе первых татарских предпринимателей

в становление Ақмолинска. Халфины входили в состав городской управы, были известными меценатами, поддерживали библиотеку и закупами книги. Обращение представителей большой семьи в государственные органы с просьбой присвоить имя купца Халфина одной из улиц города было поддержано. В 2021 году столичный акимат принял решение дать назвать одну из улиц именем купца первой гильдии Уали Халфина.

Рисунок 6. Кулпытас семьи Халфиных. Фото автора.

Из общей массы могильных плит выделяются те, которые были установлены после официального закрытия кладбища. Появление на зирате гранитных плит, говорит о новом этапе трансформации религиозного мировоззрения. Это объясняется тем, что идет процесс другого восприятия, как процесса захоронения, так и сохранения социальной памяти. Кладбище закрыто для захоронения более полувека, но установка современных гранитных и мраморных стел, содержащих эпитафии, орнаментирование, нанесение данных о покойном, все это может свидетельствовать о том, что время не привело к забвению традиций и преемственности.

В северо-западном углу некрополя могильные всхолмления не видны. Единственная здесь могильная плита установлена С. Садвокасову. Смагул Садвокасов государственный и

общественный деятель, уроженец Акмолинской области, умер в 1933 году и был похоронен в Москве. Прах С. Садвакасова, по инициативе родственников и представителей научной казахстанской интеллигенции, доставлен из Москвы в январе 2011 года и перезахоронен на кладбище Караоткель⁵. Это дань памяти человеку, сумевшему за короткий период жизни, оставить свой след в казахстанской истории. Современный памятник выполнен из мрамора с сохранением мусульманской символики в виде треугольного навершия с изображением полумесяца и надписи арабской каллиграфией. Присутствует фотография и мемориальная табличка информативного характера.

Зафиксирована еще одна могильная плита, установленная на месте разрушившегося надгробия. Это памятник доктору Жаикбаеву Данду Рахимжанулы (1903-1956). Интернет источник дает следующую информацию о нем. Уроженец Акмолинского уезда, учился в мединституте Омска. В 1943 году был призван на фронт, служил в санитарно-эпидемиологическом батальоне в звании старшего лейтенанта медицинской службы. После демобилизации работал врачом – терапевтом железнодорожной больницы. Имел боевые награды Орден Красной звезды, Орден Отечественной войны II степени⁶. Данное надгробие является попыткой совместить традиционные правила исламской погребальной практики (полумесяц, слова из суры) и память о социальном статусе человека, фронтовика, врача (эмблема медицины, боевая награда). Надгробие с фотографией, соседствующее с традиционными могильными памятниками, свидетельствует как раз о трансформации мировоззрения и погребальных практик. Изображение

символа фармацевта, сосуда Гигиены, характеризует прижизненную деятельность усопшего.

Традиционная религиозная символика постепенно вытесняется гражданской. Подобный тип памятников не относится к числу распространенных, однако демонстрирует индивидуализацию при установке надгробий и желание родственников сохранить память через презентацию личных данных и сферы его деятельности. В настоящее время в ряде случаев на памятниках мусульманских кладбищ присутствуют фотографии, что было не характерно до середины прошлого века. Портреты на мусульманских памятниках в виде гравировки на мраморной плите или медальоны из фотокерамики на данном некрополе присущи стелам, восстановленным родственниками не так давно. И в то же время встречаются металлические памятники с фото под стеклом, черно-белое фото подверглось деформации, стекло лопнуло. Фотографии на памятниках появились в СССР практически перед войной вместо религиозной атрибутики. Как показывают наши полевые наблюдения на некрополе «Караоткель», современная культура, идеология трансформируют многие стороны духовной жизни общества. Следствием этого является внедрение новшеств в оформление захоронений особенно активно со второй половины XX века. Известные сакральные символы присутствуют неизменно и полностью светские памятники скорее редкость, чем правило.

Выводы

Изучение сакрального объекта позволило расширить знания о сакральном объекте, его формировании и современном

⁵ Примечание: Абенова Г. Прах С. Садвакасова спустя 77 лет доставлен в Казахстан.- URL:https://rus.azattyq.org/a/smagul_sadvakasov_kazakhstan_moscow/2282541.html (дата обращения: 24.07.2021).

⁶ Примечание: Дорога памяти. Жайкбаев Данду Рахимжанович.- URL:<https://1418museum.ru/heroes/33581547/> (дата обращения: 24.07.2020).

состоянии. Значимость мусульманского зирата Караоткель для казахстанской истории и культуры, его роль в сохранении национальной памяти сегодня велика. Как показывает история изучения зирата, объект несет в себе историко-архитектурную, научную, мемориальную ценность и занимает особое место в истории и культуре как отдельно взятого города, региона, так и в целом государства. Авторы в своих работах связывают сакральность памятника с сакральной географией места и территории. Не в полной мере удалось систематизировать материалы по изучению данного памятника. Долгое время кладбища не являлись объектом специального изучения. Тема сакрализации ландшафта и территории привлечет современных авторов к исследованию такого рода объектов, имеющих большой пласт самой разнообразной информации.

Рассмотренные нами тенденции развития территории мусульманского некрополя и анализ могильных памятников демонстрируют разнообразный и разновременный характер погребений и установки могильных стел. С одной стороны, наблюдается тенденция к сохранению исламских канонов, с другой, наблюдается постепенный отход от традиционных мусульманских практик в оформлении памятных плит. Деконфессионализация определяется современными тенденциями и миграционными процессами. Изменение погребальных религиозных практик внедряется во внесение новшеств в ранее установленные могильные стелы. Изменение погребальной обрядности под влиянием внесение изменений в традиции ведет к отмиранию архаических представлений и внесению новых форм и элементов в кладбищенскую архитектуру.

Полевые исследования на территории кладбища позволили определить не только территориальное расположение, но и особенности погребальных практик. Кулпытасы тесно связаны с развитием, как религиозных практик, так и традиционных художественных образов, стиля, декоративного оформления. Изучение форм кулпытасов, архитектурных приемов и содержание, дает новые сведения как о жизни города и его обитателей, демонстрирует влияние исторических событий и идеологии на религиозные традиции. Эпитафии, надписи, тамга, рисунки, знаки, все это может являться отдельным объектом изучения культово-мемориальной традиции Сарыарки.

Необходимо констатировать, что это уязвимая часть культуры, которая уходит со временем и восстановить ее, в большинстве своем, нет возможности. Кладбищенские памятники как источники исторической памяти хранят особенности этнической культуры, страницы жизни и общественной деятельности региона. Мемориальный исторический комплекс на территории мусульманского кладбища несет в себе историко-этнографическую ценность, требующую дальнейшего всестороннего изучения. Стоит задача продолжения научной работы с целью выявления захоронения исторических личностей и известных людей города, а также изучения мусульманской эпиграфики каменных надгробий, принадлежащих представителям известных фамилий купеческого Акмолинска. Сакральность памятника, имеющего историческую ценность, требует поменять представление о прошлом через изучение и новое прочтение страниц города, истории его жителей, традиций и обрядности.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта ГФ КН МОН РК AP08052281 «Сохранение памятников сырцово-архитектуры сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием цифровых 3D технологий».

Список литературы

- Абсеметов М.О. Астана - город с тысячелетней историей / М.О. Абсеметов. – Астана: ALCHIAI group, 2009. – 312 с.
- Ажигали С.Е. «Казахское памятниковедение» как важнейшее научно-практическое направление в сфере культуры // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: статьи II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе, Казахстан, 2011. – 404 с.
- Артыкбаев Ж.О. Қиыр жайлаған қызай / Ж.О. Артыкбаев. – Нұр-Сұлтан: Фолиант, 2020. – 210 с.
- Ганешин С.С. Ботанико–географический очерк средней части Акмолинской области // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Министерство Земледелия. Переселенческое Управление. Часть II. Ботанические исследования 1914 г. под редакцией Б.А. Федченко. Вып. 1. – Петроград: типография М.П. Фроловой, 1917. – 60 с.
- Дубицкий А.Ф. Начало археологического сезона // Государственный архив города Нур-Султан. Ф. 362. Оп.2. Ед.хр. 26. Л.6.
- Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 22) / И.А. Кастанье. – Оренбург: типо-лит. т-ва "Каримов, Хусаинов и К^о", 1910. – 332 с.
- Касымбаев Ж., Агубаев Н. История Акмолы: XIX - начало XX века: исследования, источники, комментарии / Ж. Касымбаев, Н. Агубаев. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 172 с.
- Karbayeva G.K. The Muslim cemetery «Karaotkel» as the sacred geography object of Nur-Sultan // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия исторические науки. Философия. Религиоведение. –2021. № 4 (137). – С. 141- 154.
- Медеуова К.А., Сандыбаева У.М. Сакральная география в Казахстане: мемориальная политика государства и локальные практики в публичных пространствах // Мир Большого Алтая. – 2018. – Т.4. – № 3. – С.438-447.
- Мусабаев Т.Т., Иманжанова К.К. Сакральные объекты Казахстана как фактор развития национального духовного сознания. // Вестник науки и образования. – 2019. – № 23-1(77). – С. 15-20.
- Медеуова К.А., Сандыбаева У.М., Наурызбаева З.Ж., Толмагамбаева Д.Т., Ермаганбетова К.С., Мельников Д.Н., Кикимбаев М.Ж., Рамазанова А.Ч., Тлепберген А.Б., Жетибаев Е.Ж., Оразбаева Д.Е., Полтавец К.А. Практики и места памяти в Казахстане: монография / К.А. Медеуова, У.М. Сандыбаева, З.Ж. Наурызбаева, Д.Т. Толмагамбаева, К.С. Ермаганбетова, Д.Н. Мельников, М.Ж. Кикимбаев, А.Ч. Рамазанова, А.Б. Тлепберген, Е.Ж. Жетибаев, Д.Е. Оразбаева, К.А. Полтавец. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. – 318 с.
- Романова Е.Н., Данилова Н.К. Культурная традиция ранних кочевников в Северной Азии: символика коновязных столбов (сэргэ) у тюрков-саха // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: статьи II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе, Казахстан, 2011. – 404 с.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. – Санкт - Петербург: А. Ф. Девриен, 1899–1914. Т. 18: Киргизский край: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области. – 1903. – 478 с.
- Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Е., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К., Сапарова К.С., Ғайса А.М., Бонора Ж.Л. Сакральный ландшафт Сарыарки: коллективная монография / М.К. Хабдулина, Д.Е. Тлеугабдулов, А.Т. Дукомбайев, Т.В. Кошман, Г.К.

Букешева, К.С. Сапарова, А.М. Ғайса, Ж.Л. Бонора. – Нұр-Сұлтан-Рим, 2020. – 222 с.
Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 187-202.
Тохтабаева Ш.Ж. К вопросу о семантике материалов в казахском ювелирном искусстве. Маргулановские чтения. – Алма-Ата: Б.и., 1989. – 334 с.
Шангин И.П. Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды Кольвано-Воскресенских заводов берг-гешворена Ивана Шангина 1816 г. Астана. История столицы и края XVII-XIX вв. / И.П. Шангин. – Астана: Фолиант, 2006. – 152 с.
Шерстобитов А. Акмолинск. Очерк из заметок туриста // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – Томск: Паровая типография П.И. Макушина. – 1899. – № 2. – С. 56-73.

Татьяна В. Кошман, Марал К. Хабдулина, Азамат Т. Дукомбайев

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Қараөткел қорымы: зираттың киелі-діни қызметі

Андатпа. Ежелгі зираттар этностардың рухани және материалдық мәдениетін зерттеуге қызығушылық тудырады. Қабір тақталары тарихи және этнографиялық дереккөздің ерекше түрі ретінде үлкен ақпарат алады. Оның сенімділігі мен кеңдігі зираттың «жасына» байланысты. Қабір үстіндегі эпиграфика бойынша жаһандану және этносаралық қатынастардың дамуы жағдайында мұсылмандық жерлеу дәстүрінің сақталуы мен тұрақтылығы өзгерістер мен өзгерістерге ұшырайтыны көрінеді. Мақалада Нұр-сұлтан қаласында орналасқан «Қараөткел» мұсылман зиратын зерттеудің кейбір нәтижелері баяндалған. Бұл қала орталығындағы ең көне және әйгілі қорымдардың бірі. Зират кейбір мәліметтер бойынша XVII ғасырдан бастап жұмыс істеді. Ресми түрде 1962 жылы жабылды. Бұл ескерткіш тарихи тұлғалармен және ұлттық тарихтың маңызды оқиғаларымен байланысты жалпыұлттық маңызы бар Қазақстанның киелі нысандарының қатарына енді. Мұнда XIX ғ. Ақмола бекінісіне шабуыл жасау кезінде қаза тапқан Кенесары жасағының жауынгерлері жерленген.

Осы зерттеудің міндеті Қараөткел мұсылман қорымы бойынша қолда бар материалдарды зерделеу және зират аумағында далалық зерттеулер жүргізу болып табылады. Авторлар 2019 және 2020 жылдары жүргізілген далалық жұмыстардың материалдарын пайдаланды. Нәтижесінде зират туралы картографиялық және мұрағат көздері талданып, қабір үстіндегі ескерткіштерді жіктеу туралы алғашқы мәліметтер алынды.

Түйін сөздер: Қараөткел; қорым; құлпытас; стела; зират; қасиетті нысан; Тарих; зират; құлпытастар; эпитафия; дін.

Tatyana V. Koshman, Maral K. Khabdulina, Azamat T. Dukombaiev

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Necropolis Karaotkel: sacred - religious function of the cemetery

Abstract. Ancient cemeteries are of interest in the study of the spiritual and material culture of ethnic groups. Tombstones, as a specific type of historical and ethnographic source, carry great

information. Its reliability and scope depend on the «age» of the cemetery. According to the epigraphics on the grave, it is clear that the preservation and stability of the Muslim burial tradition in the context of globalization and the development of interethnic relations undergo changes and transformation. The article presents some results of the study of the Muslim cemetery «Karaotkel», located in the city of Nur-Sultan. This is one of the oldest and most famous necropolises in the city center. According to some reports, the cemetery has functioned since the 17th century. Officially closed in 1962. This monument was included in the number of sacred objects of Kazakhstan of national importance, associated with historical figures and significant events of national history. Here are buried the soldiers of the Kenesary detachment, who died during the storming of the Akmola fortress in the 19th century.

The objective of this study is to study the available materials on the Muslim necropolis of Karaotkel and conduct field research on the territory of the cemetery. The authors used materials from fieldwork carried out during 2019 and 2020. As a result, cartographic and archival sources about the cemetery were analyzed, and primary information was obtained on the classification of tombstones.

Keywords: Karaotkel; necropolis; kulpytas; stele; cemetery; sacred object; history; zirat; tombstones; epitaph; religion.

References

- Absemetov M.O. Astana – gorod s tysyacheletnej istoriej [Astana is a city with a thousand years of history], (ALCHIAI group, Astana, 2009, 312 p.), [in Russian].
- Azhigali S.E. «Kazahskoe pamyatnikovedenie» kak vazhnejshee nauchno-prakticheskoe napravlenie v sfere kul'tury, Aralo-Kaspijskij region v istorii i kul'ture Evrazii: stat'i II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan ["Kazakh monument studies" as the most important scientific and practical direction in the field of culture, The Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia: articles of the II International Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan]. Almaty-Aktobe, Kazakhstan, 2011. P. 404.
- Artykbaev ZH.O. Kiyр zhajlagan kyzaj, (Nur-Sultan, 2020, 210 p.), [in Kazakh].
- Ganeshin S.S. Botaniko–geograficheskij ocherk srednej chasti Akmolinskoj oblasti, Trudy pochvenno-botanicheskikh ekspedicij po issledovaniyu kolonizacionnyh rajonov Aziatskoj Rossii. Ministerstvo Zemledeliya. Pereselencheskoe Upravlenie. CHast' II. Botanicheskie issledovaniya 1914 pod redakciej B.A. Fedchenko. Vyp. 1 [A botanical and geographical sketch of the middle part of the Akmola region, Proceedings of soil-botanical expeditions on the study of colonization areas of Asian Russia. Ministry of Agriculture. Resettlement Management. Part II. Botanical research in 1914, edited by B.A. Fedchenko. Issue 1], (tipografiya M.P. Frolovoj, Petrograd, 1917, 60 p.), [in Russian].
- Dubickij A.F. Nachalo arheologicheskogo sezona, Gosudarstvennyj arhiv goroda Nur-Sultan [The beginning of the archaeological season, The State Archive of the city of Nursultan]. F. 362. Op.2. Ed.hr. 26. L.6, [in Russian].
- Kastan'e I.A. Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraya. (Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii; Vyp. 22) [Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region. (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission; Issue 22)], (tipo-lit. t-va "Karimov, Husainov i K°", Orenburg, 1910, 332 p.), [in Russian].
- Kasymbaev Zh., Agubaev N. Istoriya Akmoly: XIX - nachalo XX veka: issledovaniya, istochniki, kommentarii [The history of Akmola: XIX - early XX century: research, sources, comments], (Zheti zhargy, Almaty, 1998, 172 p.), [in Russian].

Karbayeva G.K. The Muslim cemetery «Karaotkel» as the sacred geography object of Nur-Sultan, Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie [The Muslim cemetery "Karaotkel" as the sacred geography object of Nur-Sultan, Bulletin of the L.N. Gumilev Eurasian National University. Historical Sciences series. Philosophy. Religious studies]. 2021.No. № 4 (137). P. 141- 154, [in Russian].

Medeuova K.A. Sandybaeva U.M. Sakral'naya geografiya v Kazahstane: kommemorial'naya politika gosudarstva i lokal'nye praktiki v publicnyh prostranstvah, Mir Bol'shogo Altaya [Sacred geography in Kazakhstan: the memorial policy of the state and local practices in public spaces, The World of the Greater Altai]. 2018. Vol.4. No. 3. P. 438-447, [in Russian].

Musabaev T.T., Imanzhanova K.K. Sakral'nye ob"ekty Kazahstana kak faktor razvitiya nacional'nogo duhovnogo soznaniya, Vestnik nauki i obrazovaniya [Sacred objects of Kazakhstan as a factor in the development of national spiritual consciousness, Bulletin of Science and Education], 2019. No. 23-1(77). P. 15-20, [in Russian].

Medeuova K.A., Sandybaeva U.M., Naurzbaeva Z.ZH., Tolmagambaeva D.T., Ermaganbetova K.S., Mel'nikov D.N., Kikimbaev M.ZH., Ramazanova A.CH., Tlepbergen A.B., ZHetibaev E.ZH., Orazbaeva D.E., Poltavec K.A. Praktiki i mesta pamyati v Kazahstane: monografiya [Practices and places of memory in Kazakhstan: monograph], (ENU, Astana, 2017, 318 p.), [in Russian].

Romanova E.N., Danilova N.K. Kul'turnaya tradiciya rannih kochevnikov v Severnoj Azii: simbolika konovyaznyh stolbov (serge) u tyurkov-saha, Aralo-Kaspijskij region v istorii i kul'ture Evrazii: stat'i II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan [The cultural tradition of early nomads in North Asia: the symbolism of hitching posts (serge) among the Sakha Turks, The Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia: articles of the II International Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan], (Almaty-Aktobe, Kazakhstan, 2011, 404 p.), [in Russian].

Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej. SPb.: A. F. Devrien, 1899-1914. T. Kirgizskij kraj: Ural'skaya, Turgajskaya, Akmolinskaya i 18: Semipalatinskaya oblasti [A complete geographical description of our Fatherland: a desktop and travel book for Russian people. St. Petersburg: A. F. Devrien, 1899-1914. Vol. 18: Kirghiz Krai: Ural, Turgay, Akmola and Semipalatinsk regions]. 1903. 478 p., [in Russian].

Khabdulina M.K., Ulugabulov D.Or., Dukombayev A.T., Koshman T.V., Bukesheva G.K., Sakharova K.S., Gossip A.M., Bonora J.L. Sakral'nyj landshaft Saryarki: kollektivnaja monografija [The sacred landscape of Saryarka: a collective monograph]. Nur-Sultan-Rom, 2020. P. 222., [in Russian].

Sokolova A. Pohorony bez pokojnika: transformacii tradicionnogo pohoronogo obryada, Antropologicheskij forum [Funerals without a Dead Man: Transformations of Traditional Funeral Rites, Anthropological Forum]. 2011. No. 15 P. 187-202, [in Russian].

Tohtabaeva Sh.Zh. K voprosu o semantike materialov v kazahskom yuvelirnom iskusstve. Margulanovskie chteniya [On the Semantics of Materials in Kazakh Jewelry Art. Margulan readings.], (B.i., Alma-Ata, 1989, 334 p.), [in Russian].

Shangin I.P. Dnevnye zapiski puteshestviya v stepi kirgiz-kajsakov Srednej ordy Kolyvano-Voskresenskih zavodov berg-geshvorena Ivana SHangina 1816 g. Astana. Istoriya stolicy i kraja XVII-XIX vv. [Day notes of the journey in the steppes of the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde of the Kolyvan-Voskresensk plants of the Berg-Geschvoren Ivan Shangin 1816. Astana. History of the capital and the region in XVII-XIX centuries.], (Foliant, Astana, 2006, 152 p.), [in Russian].

Sperstobitov A. Akmolinsk. Ocherk iz zametok turistaб Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii [Akmolinsk. Sketch from the notes of a tourist, Roadman on Siberia and Asian Russia], Parovaya tipografiya P.I. Makushina, Tomsk, 1899. No. 2. P. 56-73, [in Russian].

Сведения об авторах:

Кошман Татьяна Васильевна – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Хабдулина Марал Калымжановна – директор НИИ археологии им. К.А. Акишева, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Дукомбайев Азамат Талгатович – главный специалист сектора поддержки научных проектов Департамента науки и коммерциализации, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Koshman Tatyana Vasilievna – Senior Lecturer of Department of Archaeology and Ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Khabdulina Maral Kalymzhanovna – Director of K.A. Akishev Research Institute of Archaeology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Dukombaiev Azamat Talgatovich – Chief Specialist of the Scientific Projects Support Sector of the Department of Science and Commercialization, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.